

М. В. Строева

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДОГОВОР 1875 г.

Вопрос пограничного урегулирования являлся основным предметом в переговорном процессе между Россией и Японией на протяжении почти двадцати лет. В 1855 г. был заключен Симодский трактат, согласно которому «весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России». Остров Сахалин (Крафто) «остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени» [1, с. 52].

Летом 1862 г. в Санкт-Петербург прибыла японская дипломатическая миссия, которую возглавляли чиновники правительства сёгуната. Основной целью были переговоры по вопросу отсрочки открытия японских портов и вопрос о Сахалине. Однако пограничный вопрос так и не был решен.

С января по март 1867 г. в российской столице велись очередные переговоры, главным предметом обсуждения на которых был так и не решенный вопрос о Сахалине. В результате было подписано Временное соглашение об острове Сахалин. Статус острова был изменен с «неразделенной» территории на «совместное» владение. Однако территориальная проблема не была решена и вызывала постоянные конфликты и напряженность из-за столкновения интересов двух стран на острове.

В 1869 г. Япония стала искать дипломатический выход из ситуации. Мэйдзийское правительство консультировалось с британским посланником Г. Парксом (1828–1885) и американским посланником Ч. Де Лонгом (1832–1876), которые проявляли интерес к вопросу о Сахалине.

Летом 1869 г. капитан И. Уилсон на бриге «Джолли» посетил Южный Сахалин. В сентябре 1869 г. секретарь британской миссии Дж. О’Дрисколл был направлен на Сахалин и Курилы на военном корабле «Корморант» для сбора информации. 6 августа 1869 г. Паркс встретился с заместителем министра иностранных дел Тэрадзима Мунэнори (1832–1893). Цель этой встречи состояла в ознакомлении японского правительства с докладом капитана Уилсона. На этой встрече Тэрадзима сообщил, что чиновник Окамото Кансукэ (1839–1904), отправленный ранее на Сахалин в Кусункотан (Корсаков), вернулся в Токио. Согласно Окамото, в Кусункотане высадились около 250 русских и там ведутся строительные работы. Японское правительство выразило по этому поводу протест. Однако российская сторона правомерно ссылалась на Временное соглашение 1867 г. [2, с. 207].

Тэрадзима объяснил, что Япония, в отличие от России, вынуждена продвигаться в северном направлении, неблагоприятном для японцев с точки зрения климата. Еще в 1868 г. Паркс высказывал предположение, что продвижение России по Сахалину согласно Временному соглашению 1867 г. является неизбежным результатом. На этой встрече он еще раз намекнул японской стороне на то, что следовало бы защищать Эдзо (Хоккайдо). Доклад Уилсона, в котором сообщалось о планах русских усилить военную мощь на побережье залива Анива, только утвердил такую позицию британского посланника.

На встречах с японскими представителями Паркс высказывал мнение, что, если японцы и отправят своих высокопоставленных чиновников на остров и увеличат число своих переселенцев, все равно бессмысленно противостоять России. Ивакура был обеспокоен тем, что под предлогом освоения Сахалина Россия продвинется на Эдзо [2, с. 211]. Паркс посоветовал японскому правительству отказаться от Сахалина, который практически принадлежит России и приложить больше сил для освоения Эдзо. Наибольшую озабоченность у Паркса вызывало то, что японцы вмешивались в дела России на Сахалине и это приводило к столкновениям и давало повод России для продвижения на Эдзо. В случае возникновения спорных моментов между подданными британский посланник советовал обратиться к генерал-губернатору Приморской области, а не решать вопрос на местном уровне [3, с. 101].

3 февраля 1870 г. заместители министра иностранных дел Тэрадзима Мунэнори, Окубо Тосимити (1830–1878) и Ито Хиробуми (1841–1909) встретились с Ч. Де Лонгом. Как следует из письма последнего от 14 февраля, статус «совместного проживания» на Сахалине для японцев и русских вызывал немало беспокойств и у американского правительства, и если непосредственные переговоры между двумя сторонами затруднительны, то согласно второй статье договора между США и Японией от 1858 г. американский президент мог выступить посредником в решении этого вопроса. Японская сторона представила Де Лонгу следующие положения возможного переговорного процесса с участием третьей, американской, стороны в качестве посредника. Во-первых, японцы предлагали провести границу на Сахалине по 50°. В этом случае южная часть острова отходила Японии, а северная — России. Во-вторых, Кусункотан следовало сделать открытым портом. В-третьих, российские граждане, проживающие в южной части, должны были уплачивать земельный налог Японии. Японцам, проживающим в северной части, следовало уплачивать вышеназванный налог российской стороне. В-четвертых, порт Кусункотан должен был находиться под охраной японской стороны [4, с. 124].

18 марта Де Лонг подтвердил, что получил японские условия относительно вопроса о границе на Сахалине. Он также попросил прислать документы, доказывающие наличие спорной ситуации между двумя странами и описывающие историю этого вопроса и нынешнее положение дел. В августе японцы представили все необходимые документы. Было также решено отправить в США специального уполномоченного Мори Аринори (1847–1889) [4, с. 122]. 19 сентября Де Лонг уведомил японскую сторону о получении документов и пообещал отправить их своему правительству.

Пока японское правительство ожидало ответа от США, в октябре 1870 г. российский поверенный в делах в Китае Е. К. Бюцов (1837–1904) прибыл в Японию. Перед отъездом в июне Бюцов получил инструкцию от министерства иностранных дел, утвержденную Александром II (1818–1881). Ему предписывалось убедить японскую сторону направить своих уполномоченных в Николаевск или Владивосток для окончательного решения вопроса о Сахалине. Границу предполагалось установить по проливу Лаперуза, уступив о. Уруп с прилегающими островками и сохранив за японцами их рыбалки [5, с. 173].

3 ноября в дипломатическом представительстве Пруссии состоялась встреча Бюцова и двух японских представителей: государственного советника Соэдзима Танэоми (1828–1905) и заместителя министра иностранных дел Тэрадзима. Соэдзима поставил Бюцова в известность о просьбе японской стороны, направленной США, о посредничестве в урегулировании вопроса о Сахалине. Японская сторона также отметила, что надеется на прямые переговоры с Россией [4, с. 123]. Российский поверенный подчерк-

нул, что лучше вести переговоры непосредственно с Россией, а не с помощью посредника в лице США. Бюцов посоветовал японской стороне отправить своих представителей в Николаевск [6, с. 8]. На следующий день Тэрадзима срочно сообщил Де Лонгу о том, что японское правительство отказывается от американского посредничества. Таким образом, несмотря на давление со стороны США, японская сторона предпочла решать вопрос о пограничном урегулировании напрямую с Россией.

С августа 1870 г. по октябрь 1871 г. бывший государственный секретарь США У. Сьюард (1801–1872) совершал кругосветное путешествие. В конце сентября 1870 г. он прибыл в Японию. 4 октября состоялась его встреча с японским министром иностранных дел Сава Нобуёси (1835–1873). Японский министр обратился к Сьюарду с просьбой посодействовать в вопросе посредничества США в решении пограничного вопроса между Японией и Россией. Сьюард, не желая брать на себя такую ответственность, ограничился только рекомендацией. Когда между двумя соседними державами (США и Россией) возник спор о рыболовном промысле американских подданных в российских водах, то эта проблема была решена путем приобретения у России Аляски. Рекомендация Сьюарда для Японии состояла в том, что ей необходимо следовать такому же плану, т. е. приобрести Сахалин у России. Сава ответил, что Япония не может купить территорию, которая, как уже доказано японскими историками, принадлежит ей же [7, с. 58].

19 ноября 1870 г. Сава известил российскую сторону о намерении японской стороны направить в залив Посьета уполномоченных для переговоров по пограничному вопросу на Сахалине. Японская сторона просила также предоставить российского лоцмана. 21 января 1871 г. российский консул в Хакодате А. Е. Оларовский информировал японского министра иностранных дел о том, что отправил канцлеру А. М. Горчакову (1798–1883) сообщение о данном намерении и просьбе японской стороны. Однако Оларовский отметил, что положительные результаты переговоров возможны только при согласии Японии уступить Сахалин российской стороне в обмен на что-нибудь равнозначное [4, с. 123].

С января по май 1871 г. Курода Киётака (1840–1900) совершал поездку по США и Европе. Будучи в США, он вместе с японским поверенным Мори нанес визит российскому посланнику К. Г. Катакази (1830–1890). Курода пытался выяснить вероятность посредничества США в сахалинском вопросе. Российский посланник ответил, что «вернейшим средством осложнить вопрос было бы вовлечь в него постороннее государство» и что «мы хотим сами улаживать свои дела с нашими соседями» [8, с. 264].

В мае 1871 г. японским правительством было принято решение отправить делегацию во главе с Соэдзима в залив Посьета для переговоров с российской стороной по вопросу разграничения на Сахалине [9, с. 33]. Инструкция включала три варианта. Первый пункт состоял в том, что Япония, отказавшись от статуса «совместного проживания» и выплатив России денежную компенсацию, завладеет всем островом. Второй пункт содержал следующие условия: разделив остров пополам и отказавшись от статуса «совместного проживания», обе стороны занимают каждая свою территорию. Япония выплачивает России денежную компенсацию. В третьем пункте говорилось о том, что остров отходит России, а Япония получает от этого выгоду [2, с. 248]. В этой инструкции японская сторона предусмотрела варианты с наиболее и наименее благоприятными результатами, основываясь на опыте предыдущих переговоров. Первый пункт не представлялся возможным для реализации. Второй пункт показывал позицию японского правительства. Из этого пункта становится ясно, что японская сторона определенно

представляла, что Россия владеет большей частью острова и не согласится на деление острова пополам без должной денежной компенсации. Третий пункт являлся отражением действительного положения вещей, а именно — показывал сильные позиции России на Сахалине.

В состав миссии вошли также шесть чиновников от министерства иностранных дел, которые уже 26 мая прибыли в Хакодате. 27 мая накануне своего отъезда Соэдзима встретился с британским поверенным в делах Ф. Адамсом (?–1889) по просьбе последнего [2, с. 249]. Адамс говорил о том, что Япония, отправляя миссию в залив Посьета, теряет время, и Россия этим воспользуется, заняв еще несколько важных пунктов и отправив еще больше поселенцев на остров. Адамса интересовали и те условия, которые выдвигала Япония. Соэдзима сообщил британскому поверенному, что Япония намерена отстоять южную часть Сахалина. Адамс привел в пример Аляску, которую Россия продала США. Однако Соэдзима в ответ заявил, что продажа территории выглядит недостойным поступком в глазах японцев. Вероятно, выходом из положения могла стать территориальная уступка российской стороне за некоторые льготы и денежную компенсацию для японской стороны. В этом и состоял план, ранее одобренный на правительственном совещании. По мнению Адамса, чем бороться за Сахалин, было бы лучше укрепляться на Эдзо и отправлять туда поселенцев.

После этой встречи 28 мая Соэдзима направился в Хакодате. Там японские уполномоченные стали ждать ответа российской стороны. 29 июня А. Е. Оларовский нанес японскому представителю визит. Он сообщил, что весной следующего года в Японию прибудет Бюцов для ведения переговоров по пограничному вопросу на Сахалине [2, с. 250]. Кроме того, военный губернатор Приморского края А. Е. Кроун (1823–1900), уполномоченный вести переговоры с японской стороной, находился в Санкт-Петербурге и на месте не было российских чиновников, у которых были бы полномочия на ведение таких переговоров [4, с. 125]. Таким образом, не было ни необходимости, ни возможности проводить переговоры в Николаевске или Посьете. Соэдзима был вынужден вернуться в Токио. После несостоявшихся переговоров в заливе Посьета Ивакура в августе предложил японскому правительству отправить представителя для переговоров непосредственно в российскую столицу, не дожидаясь прибытия Бюцова в Японию. Однако это предложение не получило должной поддержки. 9 ноября японское министерство иностранных дел сообщило Оларовскому, что оно ждет Бюцова для переговоров [6, с. 8].

В январе 1871 г. министерство иностранных дел России утвердило инструкцию Бюцову, который был назначен поверенным в делах в Японии и консулом в Токио [5, с. 176]. В отношении пограничного вопроса инструкция указывала на важность отстоять весь Сахалин. Бюцов должен был вести переговоры, основываясь на российских предложениях 1867 г. В крайнем случае, при настойчивости японской стороны, ему разрешалось уступить Японии не только Уруп, но и часть других Курильских островов до Онекотана [10, с. 321]. В инструкции также предписывалось добиваться обязательства японской стороны не переуступать свои рыболовные промыслы на Сахалине и Курильские острова третьей стороне [5, с. 176]. Под «третьей стороной» подразумевались США, чьи подданные активно занимались рыболовным и китобойным промыслами у берегов Камчатки, Сахалина и на Курильских островах.

В мае 1872 г. российский поверенный прибыл в Токио. 11 июня он вручил императору Муцухито (1852–1912) свои верительные грамоты [11, с. 275]. В конце месяца начались

переговоры между Бюцовым и Соэдзима. Следует отметить, что это не были специальные переговоры — Бюцов исполнял свои дипломатические обязанности и периодически встречался с Соэдзима для обсуждения пограничного вопроса. Российский представитель настаивал на том, что Сахалин издавна является российской территорией, и не принимал точку зрения японской стороны поделить остров. В начале переговоров Соэдзима предложил продать России права Японии на остров, но Бюцов в ответ заявил, что у России нет средств на покупку [2, с. 251]. Тогда Соэдзима предложил купить у России ее права на эту территорию за 2 млн иен [12, с. 47]. Министр финансов Окума Сигэнобу (1838–1922) согласился ассигновать эту сумму [13, с. 161]. Однако рассмотрение подобного вопроса не входило в полномочия Бюцова. Российский представитель также отметил, что Сахалин необходим России как место ссылки. Соэдзима предложил в качестве условия уступки Японией Сахалина следующее: в случае отправки Японией военной экспедиции на материк Россия должна согласиться пропустить японские силы через свою территорию. Под этим подразумевалось сохранение Россией молчаливого одобрения японского военного присутствия в Корее [14, с. 202]. Бюцов не дал согласие на это предложение: у Кореи с Россией общая граница, и Россия не желала портить отношения с Китаем и Кореей.

В феврале 1873 г. Соэдзима сообщил Бюцову, что японское правительство не может отказаться от Сахалина, который необходим как место ссылки, а Уруп является слишком малой компенсацией. В марте 1873 г. Соэдзима был назначен чрезвычайным послом в Китай для ведения переговоров по Тайваню. С его отъездом переговорный процесс был приостановлен. Переговоры были возобновлены только в августе 1873 г. Однако стороны не пришли к взаимному согласию.

После неуспешных переговоров в Токио японское правительство пересмотрело свою позицию в отношении вопроса пограничного урегулирования на Сахалине. Япония теперь была готова уступить свои права на Южный Сахалин взамен на Курильские острова севернее Итурупа.

Причин для подобного пересмотра позиции было несколько. Во-первых, Япония стремилась урегулировать вопрос с Россией до начала действий в Корее. Во-вторых, у правительства Японии стало складываться мнение о том, что лучше направлять средства и усилия на регионы с более благоприятными условиями проживания. В-третьих, колонизация Сахалина стоила Японии немалых затрат, как финансовых, так и людских. Курода Киётака, глава Бюро по колонизации Хоккайдо, не раз предлагал умножить усилия по освоению Хоккайдо, а не направлять их на освоение Сахалина. В-четвертых, после миссии Ивакура в западные страны сам Ивакура Томоми (1825–1883) и другие члены правительства стали более реалистично оценивать позицию страны в тех или иных международных вопросах [15, с. 343].

18 января 1874 г. было принято решение о назначении Эномото Такэаки (1836–1908) чрезвычайным и полномочным посланником в Россию с присвоением ему чина вице-адмирала флота. Сайго Такамури (1827–1877) и Окубо Тосимити высказывали желание отправиться в Россию, но правительство по рекомендации Курода Киётака остановило свой выбор на Эномото, который был более осведомленным в вопросе по Сахалину [9, с. 32].

5 марта 1874 г. Эномото получил инструкцию, которая включала 12 пунктов. При проведении переговоров о Сахалине с российской стороной чрезвычайному и полномочному посланнику следовало «определить границы, упразднив статус “совместного проживания” на острове» (п. 1). Япония в случае отказа от острова должна была

получить «равнозначные уступки» со стороны России (п. 2). В качестве компенсации японской стороне уступались Курильские острова, «протянувшиеся от о. Уруп до Камчатки» (п. 3). Японское правительство предполагало открыть консульство в Корсакове (Кусункотане) (п. 6). Россия же должна была открыть для японцев четыре порта: Анива, Владивосток, Петропавловск и Посъет (п. 7). Японии необходимо было защитить права своих подданных на китобойный промысел (п. 8). Пункты 4, 5, 9–12 касались прав проживания подданных на уступаемых территориях [16, с. 2–6].

Четыре уточняющих подпункта в пункте 12 включали в себя права подданных двух стран (исключая подданных третьих стран) на собственность, промыслы и хозяйственную деятельность. Особого внимания заслуживал четвертый подпункт, в котором говорилось о возможности участия японцев в проведении горных разработок. В частности, были названы шесть месторождений, являющихся «целью» японских подданных: Хигасисирахама, Наяси, Сёуни, Токомбо, Ноборибо и Касихо. Месторождение Ниситоннай следовало рассматривать как собственность Японии [16, с. 7; 12, р. 170].

Эномото также получил документы, связанные с делом перуанского судна «Мария-Луз», для вручения российскому императору. 28 мая 1872 г. перуанское судно «Мария-Луз» вышло из португальской колонии Макао и направилось в Каллао с 237-ю китайскими кули на борту. По пути судно попало в шторм, и 10 июля было вынуждено зайти в порт Канагава. 13 июля один из кули попытался укрыться на судне «Айрон Дьюк», но был отдан властям Канагава. Другой кули предпринял аналогичную попытку, но, когда он был отпущен на японский берег, его схватили офицеры с «Марии-Луз» и вернули на перуанское судно. Перуанское судно «Мария-Луз» было задержано в японском порту Йокогама и передано японскому суду [17, с. 3].

С апреля 1870 г. дипломатические интересы Перу в Японии представлял американский посланник Де Лонг. Он изучил это дело и сообщил детали перуанской стороне. Министр иностранных дел Соэдзима предложил вынести дело для разрешения окружного суда Канагава и судить виновного по японским законам, воспрещающим осуществлять куплю-продажу людей в Японии. Канагавский окружной суд объявил контракт о продаже кули недействительным [17, с. 4].

Перуанская сторона подняла вопрос о правомерности мер, принятых японской стороной. Представители двух стран вели переговоры, в результате которых было принято решение передать дело на рассмотрение третьей стороны. Третьей стороной был выбран российский император Александр II.

10 марта 1874 г. Эномото отправился из Йокогама в Европу и в начале июня прибыл в Санкт-Петербург из Берлина. По приезду Эномото нанес визит в Азиатский департамент, где встретился с его главой П. Н. Стремоуховым (1823–1885). Стремоухов сообщил японскому представителю, что с согласия императора и Государственного Совета было решено дать полномочия на ведение переговоров по данному вопросу К. В. Струве (1835–1907), который вскоре должен был сменить Бюцова на посту российского посланника в Токио. На встрече 22 июня российская сторона повторила заявление о том, что новый поверенный в делах Струве уже отправился в Японию. Было принято решение, компромиссное для обеих сторон. Местом для обсуждения основных положений был выбран Санкт-Петербург, вести переговоры предстояло Стремоухову и Эномото, а детали подлежали обсуждению Струве и Тэрадзима в Токио [16, с. 8–11]. В июле 1874 г. Эномото был на аудиенции у Александра II по поводу инцидента с перуанским судном «Мария-Луз» [18, с. 310].

Сами переговоры официально начались позже: первый раунд состоялся 20 августа. На этом раунде П. Н. Стремоухов заменил его заместитель Ф. Р. Остен-Сакен (1832–1916). Японская сторона подчеркнула важность дружественных отношений между двумя странами. Эномото отметил, что обе страны, являясь географическими соседями, тесно соприкасаются на Тихом океане не только в политических, но и в торговых вопросах. Перед началом переговоров, на которые Эномото был уполномочен, он сообщил о том, что с 1871 г. имели место случаи нападения и убийства японских подданных на Сахалине. За эти 2–3 года появились тюрьмы на Сахалине, и остров стал местом каторги. Японское министерство иностранных дел несколько раз сообщало об этих фактах российскому поверенному. Однако за исключением одного случая сведений по этим делам не было. По информации от Оларовского, российская сторона в марте задержала в Николаевске виновных в совершении грабежа и убийстве японских подданных в 1872 г.

На данном заседании Эномото запросил у российской стороны информацию о результатах расследования инцидентов на Сахалине за период 1871–1873 гг. Эномото попросил сообщить имена беглых каторжан, участвовавших в этих событиях с российской стороны. По информации, имевшейся у японской стороны, один из участников был осужден в Николаевске.

Японский представитель затронул также вопрос о пожарах на японских рыбалках Камадомари в 1872 г. и в Хаккотомари в 1873 г. Эномото подчеркнул, что принятие мер по этим вопросам ускорит переговорный процесс. Ф. Р. Остен-Сакен пообещал навести справки о расследовании данных инцидентов. Речь также шла о сотрудничестве на благо и выгоду обеих сторон. По пожару в Хаккотомари было предложено создать совместную комиссию из представителей российского консульства и японских чиновников для расследования данного случая [16, с. 14–22].

Находясь в Петербурге, Эномото собирал информацию о российском Дальнем Востоке. В письме к Тэрадзима от 12 октября он дал подробную характеристику Владивостоку как основному российскому порту в регионе. Эномото обратил внимание министра на статью в одной из российских газет, где говорилось, что Япония осваивает угольное месторождение Исикари взамен месторождения Дуэ на Сахалине [16, с. 25–30].

14 ноября состоялся четвертый раунд переговоров. Стороны затронули вопрос о столкновениях на острове. Стремоухов напомнил, что когда он подписывал Временное соглашение об острове Сахалин в 1867 г., то неоднократно предупреждал, что статус «совместного проживания» станет основой для непрекращающихся споров и конфликтов. Российская сторона настаивала на проведении границы по проливу Лаперуза, тем самым претендуя на весь остров. Эномото же подчеркивал, что проведение границы на острове значительно улучшит ситуацию. Стремоухов же возразил, что если рассматривать Сахалин как место ссылки, то проведенная граница не станет препятствием для преступников.

Глава Азиатского департамента выдвинул три аргумента в поддержку позиции российской стороны. По его мнению, во-первых, японцы сами не желали жить на Сахалине из-за холодного климата. Во-вторых, российское правительство, предлагая компенсацию (т. е. Уруп с прилегающими островками), не собиралось владеть островом совместно. В-третьих, если по согласованию обеих сторон одна уступала другой на основе компенсации, то проигравшая сторона не получала поддержку своего народа.

По мнению Эномото, российские подданные так же с неохотой приезжали на остров, как и японские. Случаи смертельного исхода были и у россиян. Японцы проживали на

Сахалине и желали не только вести там рыболовный промысел, но и заниматься лесозаготовками. Японский уполномоченный высказал мнение и о том, что остров Уруп с прилегающими островками не является равнозначной компенсацией. Кроме того, японское правительство планировало отправку преступников на Сахалин. По словам Эномото, уступка имеющихся прав на остров означала уступку в правах японцев [16, с. 32–41].

После этого заседания Эномото отправил в японское министерство иностранных дел аналитическую записку, в которой указал ряд причин, отражающих желание России владеть всем Сахалином. Во-первых, Дуэ и другие угольные месторождения острова для России имели большое значение. Сахалинский уголь по качеству мог соперничать с японским. Во-вторых, Владивосток стал военно-морским оплотом на Дальнем Востоке, а пролив Лаперуза также был важен для страны в военном плане. Сахалин стал иметь стратегическое значение. В-третьих, российских военных сил, расквартированных в Приамурском крае и на дальневосточном побережье, было недостаточно для оборонительных и наступательных действий в регионе. Эномото предположил, что «не более чем через 50 лет будет проложена дорога до границы с Китаем и до Владивостока», а пока Россия была вынуждена использовать морской путь через Индийский океан не только для перевозки товаров, но и в военных целях [16, с. 43–50].

В конце ноября российскому посланнику Струве была отправлена телеграмма чрезвычайной секретности, в которой его просили навести справки о предварительных инструкциях, данных Эномото. Состоящему при японской миссии Помпе фон Мердервурту (1829–1908) удалось получить копию этой телеграммы через своего осведомителя [16, с. 52–54].

2 января 1875 г. был проведен пятый раунд переговоров. Стремоухов сообщил, что российский император высказал мнение о проведении границы по проливу Лаперуза. В отношении компенсации император выразил надежду, что обе стороны по мере возможности придут к согласованному мнению. Российской стороной было заявлено, что для Эномото необходимы полномочия на ведение переговоров по вопросу компенсации за Сахалин и его уступку. Японский представитель сообщил, что компенсацией могли послужить остров Уруп с тремя прилегающими островками, а также российские военные суда старого образца. Он предложил ввести беспошлинный режим для японцев в Кусункотане. Стремоухов сказал, что запросит министерство финансов по этому вопросу.

Эномото настаивал и на том, что, по свидетельству Сига Тикатоми (1845–1914), Бюцов на переговорах в Токио в качестве компенсации предлагал острова до Камчатки. Стремоухов подчеркивал необходимость пролива между Парамуширом и Онекотаном для России, указывая, что «проливы между островами, находящимися у Камчатки, чрезвычайно узки для прохождения судов и военный министр не даст согласия на подобные уступки» [16, с. 55–67]. 25 января Эномото телеграммой сообщил Тэрадзима, что российская сторона не выразила согласия ни на проведение границы на Сахалине, ни на передачу устаревших военных судов в качестве компенсации [16, с. 80].

4 марта на шестом раунде Эномото подтвердил, что получил телеграмму, удостоверяющую его полномочия на ведение переговоров по уступке Сахалина и получения в качестве компенсации всех Курильских островов. Стремоухов настоятельно повторил, что пролив между Парамуширом и Онекотаном необходим для российских военных судов, и альтернатива прохода через японские проливы не устраивает морское мини-

стерство. Японский посланник представил главе Азиатского департамента предложение, состоящее из следующих семи пунктов, которые отражают содержание инструкции от 5 марта 1874 г. [19, с. 116–117]:

1. Уступка Сахалина России взамен на все Курильские острова.

2. Движимое и недвижимое государственное имущество передается соответственной стороне. Имеющиеся на Сахалине правительственные здания и постройки (количеством 194) оценены в 74 тыс. 612 иен и 312 сэна. Стоимость движимого имущества составляет 19 тыс. 813 иен и 95 сэнов.

3. Проживающие до этих пор подданные могут быть свободны в выборе места проживания, но должны подчиняться местным законам. Проживающие на Сахалине японцы попадают под контроль России, а проживающие на Курильских островах российские подданные — под контроль Японии.

I. Подданные двух государств, проживающие на островах и ведущие промыслы (исключая подданных третьих стран), сохраняют права собственности и освобождаются от налогов.

II. Проживающие на уступаемых островах подданные двух стран могут заниматься лесным промыслом.

III. Японцы, получив лицензию на разработку месторождений, освобождаются от налогов.

4. Кусункотан (Корсаков) становится беспошлинным портом для японцев. Японское правительство учреждает там консульство.

5. Порты на российском побережье открываются для торговых японских кораблей.

6. Иноверцы (айну) по желанию могут либо остаться на островах, либо покинуть их.

7. Японцам разрешается проводить китобойный промысел у берегов Приморья.

24 марта в японской миссии состоялся седьмой раунд переговоров. Стремоухов представил Эномото проект договора, одобренный Александром II. Российский представитель попросил телеграфного подтверждения полномочий Эномото для подписания договора. Стремоухов также подчеркнул, что летом российский император отбудет за границу и лучше заключить договор до отъезда императора [19, с. 122]. 27 марта в Токио начались консультации Струве и Тэрадзима [19, с. 137].

30 марта на 8 раунде в Азиатском департаменте обсуждали вопрос о полномочиях Эномото и компенсации за движимое и недвижимое имущество на уступаемых территориях [19, с. 140–141]. 19 апреля был проведен девятый раунд, на котором стороны продолжили обсуждение вопроса о компенсации за движимое и недвижимое имущество [19, с. 164]. В этот же день были подтверждены полномочия чрезвычайного и полномочного посланника Эномото для подписания договора относительно территориального разграничения на Сахалине [19, с. 160].

24 апреля состоялся завершающий десятый раунд, посвященный правам на собственность и промысел [19, с. 183]. 27 апреля Эномото сообщил Тэрадзима, что договор должен быть ратифицирован в Токио в течение 6 месяцев после подписания [19, с. 192]. Подписание договора, получившего название Санкт-Петербургский договор 1875 г., состоялось 7 мая 1875 г.

Санкт-Петербургский договор 1875 г. состоит из самого трактата, декларации о компенсации за движимое и недвижимое имущество, подписанной в тот же день, и дополнительной статьи о правах жителей уступаемых территорий, подписание которой состоялось в Токио 22 августа того же года.

Согласно трактату, русские и японцы могли вернуться в свое отечество или остаться на уступаемых территориях. За ними сохранялись право собственности на принадлежащее им имущество, свобода занятий промыслами (охотой и рыболовством) и вероисповедания на одинаковых правах с местными жителями, но они должны были находиться под юрисдикцией той страны, к которой перешла территория.

Японским судам разрешалось посещать в течение 10 лет со дня ратификации трактата порт Корсаков без уплаты торговых и таможенных пошлин, японскому правительству было предоставлено право назначать туда консула. Японские купцы и владельцы рыбопромышленники могли пользоваться правом наибольшего благоприятствования при рыбной ловле и торговле в портах Охотского моря и Камчатки.

Декларация являлась дополнением к четвертой статье трактата и была посвящена компенсации за движимое и недвижимое имущество японцев на Южном Сахалине. Согласно дополнительной статье, жителям уступаемых территорий разрешалось вести промысел на занимаемых ими землях, за ними сохранялось право на собственность и свободу вероисповедания. Коренным жителям уступаемых территорий предоставлялось три года со дня обнародования этой дополнительной статьи для принятия решения относительно постоянного места проживания. По истечении этого срока они становились подданными государства, ставшего новым владельцем территории. Дополнительная статья имела равную силу с самим трактатом. Взаимная передача территорий состоялась в сентябре 1875 г.

Санкт-Петербургский договор 1875 г., решив вопрос пограничного размежевания на ближайшие 30 лет, сыграл важную роль в русско-японских отношениях второй половины XIX в. В силу политической обстановки на Балканах и в Средней Азии российская сторона пошла на некоторые уступки, получив возможность интенсивно развивать свой дальневосточный регион. Санкт-Петербургский договор стал одним из первых дипломатических документов, заключенных Японией на равных с западной державой. Для Японии заключение договора также стало важным фактором, послужившим для более активного освоения Хоккайдо.

Литература

1. *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Институт востоковедения, 1927. 221 с.
2. *Исии Такаси.* Мэйдзисёки но нихон то хигасиадзиа (Япония начала периода Мэйдзи и Восточная Азия). Йокогама: Ю:риндо:, 1982. 368 с.
3. *Daniels Gordon.* Sir Harry Parkes, British Representative in Japan (1865–1883). Richmond: Taylor & Francis, 1996. 239 p.
4. Нитиро ко:сё:си (История русско-японских контактов). Т. 1. Архив МИД Японии, 1944, с. 77–143. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/listPhoto? IS_STYLE=default &ID=M2006090417321297277 (дата обращения: 15.01.2008).
5. *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. 382 с.
6. *Акидзуки Тосиюки.* Мэйдзи сёнэн но Карафуто: нитиро дзаккё о мэгуру сёмондай (Остров Сахалин в первые годы периода Мэйдзи: вопросы, связанные с «совместным владением») // Славянские исследования. Т. 40. Саппоро: Университет Хоккайдо, 1993. С. 1–21.
7. *Seward H.* Seward's travels around the world / Ed. by O. R. Seward. New York: D. Appleton and Company, 1873. 730 p.

8. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М.: Изд-во Академии наук, 1956. 899 с.
9. Ясуока Акио. Бакумацу исин но рё:до то гайко: (Территориальные владения конца периода Бакумацу — начала периода Мэйдзи и внешняя политика). Осака: Сэйбундо:, 2002. 270 с.
10. Сенченко И. А. Сахалин и Курилы: история освоения и развития. М.: Кучково Поле, 2006. 512 с.
11. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1960. 314 с.
12. Harrison J. A. Japan's Northern Frontier. Gainesville: University of Florida Press, 1953. 202 p.
13. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом. СПб.: Просвещение, 1906. 590 с.
14. Акидзуки Тосиюки. Нитироканкэй то Сахаринто: (Русско-японские отношения и остров Сахалин). Токио: Тикумасёбо:, 1994. 280 с.
15. Calman D. The Nature and Origins of Japanese Imperialism. A reinterpretation of Great Crisis of 1873. London; New York: Routledge, 1992. 354 p.
16. Гайко:сирё: карафуто тисима ко:кан дзидзё: (Дипломатические исторические документы по ситуации относительно обмена Сахалина и Курильских островов). Т. 1 (январь 1874 г. — февраль 1875 г.). Архив МИД Японии, 1929. С. 1–101. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/listPhoto?IS_STYLE=default&ID=M2006092114110187939 (дата обращения: 04.01.2007).
17. Пэру:коку сайбан иккэн. Пэру:коку мариалудзусэн иккэн сёруй (Документы по судебному делу перуанского судна «Мария-Луз»). Архив МИД Японии, 1873. 108 с. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/listPhoto?IS_STYLE=default&ID=M20060904172349851055 (дата обращения: 08.01.2008).
18. Эномото Такэаки 1836–1908 / Под ред. Эномото Такамицу. Токио: Фудзивара сётэн, 2008. 338 с.
19. Гайко:сирё: карафуто тисима ко:кан дзидзё: (Дипломатические исторические документы по ситуации относительно обмена Сахалина и Курильских островов). Т. 2 (март 1875 г. — май 1875 г.). Архив МИД Японии, 1929. С. 102–219. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/listPhoto?IS_STYLE=default&ID=M2006092114110187940 (дата обращения: 04.01.2007).